«...Да это же великое дарование! Посмотрите, что Мазаев пишет! Вот кто у нас адмирал сибирской прозы!»

Тимур Аркадьевич Гайдар,
контр-адмирал флота, писатель, журналист.
(«Губернские ведомости». 29 апреля 2005 г.)

Человек и его окрестности

Его автобиографическая повесть «Пережить эту зиму» почти сразу начинается со знакомого описания:

«Внизу, сразу за площадью, станция с замысловатыми блестящими переплетениями путей, за ней кирпичные кварталы проспекта Энтузиастов, далее – деревянные приплюснутые бараки так называемой Нижней колонии.

И уже вдали, по-над горой, клубящийся ослепительно белым паром и дымами всех цветов радуги, – металлургический комбинат»...

Сюда, в Сад-город за вокзалом, семья будущего писателя переехала из Куртукова, когда ему было четыре года, – в 1937 году: **«Странный то был переезд – неожиданный, спешный, похожий скорее на тайное бегство... Это были для многих зыбкие и угрюмые, пропитанные парализующим страхом ночных арестов 30-е годы».** Бегство после того, как отец, директор Куртуковской начальной школы, был арестован и погиб зимой 1937 года.

Ту самую страшную зиму 1942 года Владимир Мазаев пережил. Окончил школу № 92, а потом и Сталинский пединститут, факультет русского языка и литературы, филфак. Тогда, и ещё лет тридцать потом, это был действительно филологический факультет, воспитавший десятки поэтов, прозаиков, газетчиков.

В 1953 году Владимир Мазаев опубликовал свой первый рассказ. В 1963 году в Кемеровском книжном издательстве вышел первый сборник его рассказов «Конец Лосиного камня».

За следующие пятьдесят лет Владимир Михайлович выпустил еще двадцать книг, переведённых на европейские языки. Его знаменитый «Багульник – трава пьяная» получил премию журнала «Наш современник».

А с контр-адмиралом Тимуром Гайдаром Мазаев он однажды прошел абсолютно «необъезженными» тогда Бельсинскими порогами, о чём оставил изумительную по сочности языка *(адмирал!)* зарисовку в вылизанной мною почти наизусть книжке «Человек и окрест него, или Болтаем сидим, а то язык на чё!».

На протяжении почти километра – каскад мощных белопенных водопадов, увенчанных в солнечный день нимбами радуг. И для бывалого картина впечатляющая.

Мы долго с каменного обрубистого берега любовались этой картиной.

Тимур Аркадьич оживился: такого жеребячьего взбрыка он, признаться, от скромной дотоле Бельсу не ожидал.

Было шестеро нас. Миша Шевалье как старший по команде принял решение – обходить порог правым берегом посуху, сводя лодки на шнурах. Однако Тимур Аркадьич думал по-иному.

– Хочу проплыть! – заявил он, добавив при этом: – Иначе зачем я летел сюда чёрт-те откуда (имея в виду Москву, конечно). Хотя его наверняка подначивало сказать: «Летел чёрт-те куда!» – и это было бы ближе к истине.

Желание гостя – закон.

– Ладно, – согласился при больших сомнениях старший по команде. – Но только вдвоём со мной.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

А мы, четверо оставшихся, – тащись посуху. К моему удовольствию, я был освобожден от сухопутной рутинной проводки. Свободный как ветер, со спиннингом в руках поскакал вниз по берегу. С халявной мыслью скорее подцепить нечто этакое, тайменье, пока друзья не распугали.

Речка уже билась истерично и грохотала в свалах циклопических глыб. Мою жалкую блесну выстреливало из тугих летящих струй, как пробку. Ниже просматривалось ещё более суровое, громокипящее. Я в досаде «смотал удочку».

Дальнейшее – разве что языком крутого клипа. Так полетели кадры!

Оглядываюсь. Метрах в ста выше в туче брызг выворачивает лодка. Миша на корме, полуголый и кучерявый, свирепо загребает веслом. Тимур Аркадьич – на носу. Раскинутыми руками ухватился за обводной шнур. Спортивная кепочка на нём, в свою очередь

– за его ухо. Удар о выскочивший из белого буруна каменный лоб! Удар бесшумный и потому показался мне не очень сильным. Но адмирала нашего на носу – как не было! И лодка с Мишей всем своим резиновым брюхом сидит на камне!

В первые мгновения я вообще потерял адмирала из виду. Только вечность спустя голая блестящая голова его запрыгала в струях, как теннисный шарик – много ближе ко мне.

Последующие детали почему-то вспоминаются лишь сейчас, когда пишу.

Что поразило меня в столь драматичный момент, так это его лицо. Выражением странной сосредоточенности. На чём, черт возьми? И воду-то он выплёвывал, будто в досаде: и тут мне насолили! А ведь спасительный берег хоть и невысок, но обточен как по отвесу – зацепиться? – проблема.

А в полусотне шагов ниже – очередной бурлящий котёл.

Судорожно оглядываюсь – вокруг меня голимые камни, ни палочки, ни соломинки. И я, перехватив спиннинговое удилище за тонкий конец, брякаюсь на четвереньки. Едва успеваю протянуть другой конец – пробковый, ухватистый. Причём, кажется, громко умоляю – не дёргать! Не дёргать! Суставы телескопического удилища вмиг разорвутся: на такую «рыбу» они не рассчитаны.

Мою паническую просьбу Тимур «соблюл» – с тем же сдержанно-сосредоточенным выражением на лице. «Во нервы у мужика!» – подумал я. Плавно, как по циркулю, его пришвартовало к береговой стенке.

Подбежали ребята, в шесть рук выдернули потерпевшего кораблекрушение на берег.

Стоял жаркий июль. Наш адмирал пробыл в воде пять минут, не больше, но, освобождаясь от мокрой одежды, трясся, как растратчик. Вода в Бельсу и летом – голимый лёд.

Эмалированная кружка коньяку сняла все проблемы.

Спустя полчаса – шутки, смех, расслабуха.

Он жалел только о том, что записная книжка его стала нечитаемой и ещё – что утонула любимая кепочка (между прочим, подарок Константина Симонова).

Кто-то из парней – с ходу анекдот:

«Рано утром стук в дверь. Открывает хозяин.

– Здесь живет спасатель Петров?

– Да, здесь, это я.

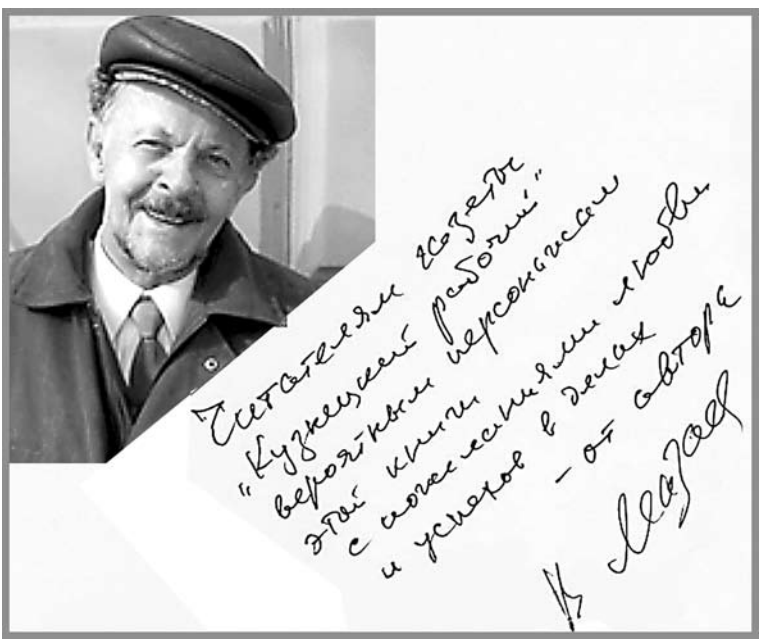
– Это вы вчера спасли мальчика, он тонул в пруду?

– Да, я.

– А где кепочка?!»

Тимур смеялся громче всех...

Писал Владимир Михайлович безукоризненно точно, как редко кто нынче пишет. Он был действительно большим писателем.



К слову, вот это посвящение от автора читателям «Кузнецкого рабочего», сделанное по моей просьбе, Владимир Мазаев написал в конце сентября 2003 года на приюте у Михаила Шевалье.

Стояла сухая прозрачная осень, голубизна высокого неба уже была разбавлена щепотью белил...

Я верю, что душа Владимира Михайловича Мазаева обретёт покой где-нибудь в этих благословенных краях.

Валерий Немиров.

«Кузнецкий рабочий».

27 февраля 2015 г.